

УДК 316.733.94(476)

**БЕЛОРУССКАЯ ИДЕЯ КАК «ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПУЛЬСАР»
В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ****канд. филол. наук, доц. С.М. СОРОКО
(Полоцкий государственный университет)**

Используя информационный подход к анализу явлений социокультурной динамики, вводится понятие «информационный пульсар» как механизм трансляции значимых социокультурных идей. Показано, что такой пульсар может создать представление о непрерывности информационных процессов, в то время как основан он на случайной преемственности, заимствовании, зависит от количественных показателей сторонников конкретной идеи, от внешних условий, обеспечивающих возможность информации разворачиваться или угасать, кодироваться и декодироваться в пространстве/времени. На примере белорусской культуры XIX – начала XX века рассматривается процесс формирования белорусского информационного пространства; обосновано, что для разворачивающейся в пространстве и времени белорусской идеи характерны три функциональные особенности: брала своё начало в культурных кодах народа, выступала как идентификационный код белорусов, создавала собственный хронотоп белорусской культуры.

Введение. При всем многообразии концептуальных подходов к исторической проблеме возникновения Беларуси и развития традиционной белорусской культуры (Е.Ф. Карский, М.В. Довнар-Запольский, А.Ф. Рыпинский, В.У. Ластовский, М.Я. Гринблат, Н.Н. Улащик, Г.В. Штыхов, Н.И. Ермалович, М.А. Ткачев, И.А. Ласков, М.Ф. Пилипенко, О.Ю. Латышонок и другие) у них есть важная и актуальная для современного белорусского культурного сообщества общая черта. Их объединяет белорусская идея как системообразующий фактор создания хронотопа белорусской культуры – её исторической памяти. Несмотря на отсутствие единого мнения учёных на процесс формирования белорусской народности в историческом времени, можно утверждать, что системные научные исследования белорусской истории, археологии, этнографии, фольклора, языка, а также различных артефактов белорусской культуры во всей её многогранности были начаты только в XIX веке. Мы не знаем более ранних научных исследований, которые бы зафиксировали актуальность самой белорусской идеи в пространстве мировой культуры.

Цель данной работы – обосновать механизм формирования белорусского информационного пространства XIX – начала XX века, системообразующим фактором которого выступала белорусская идея. Решить задачу анализа разворачивающейся в пространстве и времени идеи позволяет современный информационный подход к исследованию явлений культуры, который предполагает, что объектом научного анализа выступает самоорганизующаяся в историческом времени информационная система культуры, а предметом исследования – информационные процессы, происходящие в её пространстве.

Основная часть. Непрерывная динамика многообразных и разнопорядковых культурных видов, типов и форм – материальная и духовная, художественная, этническая и национальная, политическая, правовая, экологическая, информационная и т.д. – не позволяет представить единую и универсальную (естественную) классификацию системы культуры в пространстве и времени. В культурологии принято использовать типологизацию как системный метод научного анализа конкретных объектов культуры на основе общности каких-либо значимых признаков, позволяющих выделять исторические периоды и культурные эпохи, типы культур и цивилизаций, а также типы социально-экономических формаций, трансляции знаний и культурных традиций на основе специфических средств общения (коммуникации) и др. Если классификация представляет собой жёсткую систему-матрицу с взаимоисключающими друг друга классами, то типология таковой не является. Она остается открытой и постоянно пополняющейся научной системой, где каждый тип дополняет другой, а по своим многочисленным признакам может рассматриваться в различных ракурсах и системах. Типологический и структурно-типологический методы культурологического исследования предусматривают систематизацию, классификацию и группировку объектов исследования; основным здесь выступает принцип группировки, обусловленный «проблематикой, целями и задачами проводимого наблюдения, причем цели и задачи исследования могут быть разными» [1]. То есть точка отсчета исследователя всегда является базовой, как бы не изменялись научные парадигмы, а проводимая концептуальная идея выступает системообразующим фактором самой концепции.

В случае когда мы рассматриваем информационное пространство конкретного народа(ов) как динамичную информационную среду бытия культуры, инфраструктуру которой определяет коммуникация, трансформации культуры фиксируются благодаря ярко выраженным изменениям в системе коммуникации, они сопровождаются возникающими социокультурными противоречиями, новыми структурами и информационными потоками, постепенно формирующимися в значимые общественно-политические течения и движения. При информационном подходе социокультурная динамика всегда детерминирована но-

вой генерируемой информацией в системе культуры, где любая идея должна пройти своеобразный информационный процесс апробации, т.е. развернуться в пространстве и времени, вписаться в хронотоп культуры или разрушить его, создав свой собственный.

Изменение качественного состояния и поведения информационной системы под воздействием информации называется *информационной причинностью*. Мы рассматриваем информационную причинность как парадигму информационной эпохи [2]. В её основе лежат принципы *изофункционализма* (возможность репродуцирования систем с определённым набором функций на разных субстратах) и *инвариантности информации* как независимость от физических свойств носителей, что создаёт условия для многократного кодирования и декодирования информации. Информационная причинность анализируется в контексте философской проблематики причинно-следственных связей и механизмов причинения несколько последних десятилетий, что первоначально было связано с постановкой вопроса о категориальном статусе информации в советской философии, а сегодня отражает масштабное социокультурное явление – неизбежный процесс информатизации всех структур социума. Сущность информационной причинности раскрыли Д.И. Дубровский, А.А. Марков, П.В. Алексеев, А.В. Панин [3; 4] и другие учёные.

Каждое эпохальное явление мировой культуры базируется на собственной информационной причине – *доминантной идее*, позволяющей рассматривать информационную систему культуры как функциональную, разграничивать культурные эпохи, не нарушая преемственности в социокультурной динамике. Процесс развёртки конкретной (актуальной для своего времени) социокультурной идеи – это нелинейный информационный процесс, соответствующий нелинейной эволюции самой информации. В едином информационном пространстве мировой культуры он приобретает символический вид *информационного пульсара*: создаёт представление о непрерывности информационных процессов, в то время как основан на случайной преемственности, заимствовании, зависит от количественных показателей сторонников данной идеи, от внешних условий, обеспечивающих возможность информации разворачиваться или угасать, кодироваться и декодироваться в пространстве/времени. Даже самые гениальные и гуманные социокультурные идеи, когда их проводят интеллектуалы-одиночки, не могут быть реализованы в конкретном социуме до тех пор, пока не станут понятными и востребованными большинством людей.

В качестве информационного пульсара можно рассматривать любую разворачивающуюся непоследовательно, но имеющую социокультурную значимость идею: демократическую, просветительскую, национальную, единобожия, рационализма, романтизма и др. Сама *идея культуры* в ретроспективе неограниченной пространственно-временными барьерами системы мировой культуры может быть схематично представлена как информационный пульсар: возникает в *античности* (репродуцирование функций взращивания сельскохозяйственных культур на человеческое сообщество, когда природное и культурное воспринималось синкретично); затухает в эпоху *Средневековья*; оказывается востребованной интеллектуальной элитой *Возрождения*; в *Новое время* теория культуры формируется в рамках европейской философии (программа культивирования разума, дихотомия «естественное как природное» – «искусственное как культурное», культурно-исторический процесс и другие проблемы культуры). Культурология в XX веке выделилась как самостоятельная научная дисциплина (Л.А. Уайт), а полиморфное свойство информации в самой идее культуры проявилось в возможном многообразии культурных форм.

В XIX веке в европейской политической культуре доминировала идея национального самоопределения народов, противостоящая легитимной монархии (Ж.-Б. Дюрессель) [5, с. 115–128], параллельно в науке расширялось этнографическое знание. Эмпирические исследования различных культур этнографами, археологами, антропологами развили «антропологическое понимание культуры, поначалу как историко-этнографическое» (Э.Б. Тайлор); «под культурой стали понимать все то, в чем воплощается и выражается духовное состояние и развитие человека и общества»; было признано, что «культура присуща всем человеческим сообществам на всех стадиях их развития, но в разной степени»; во множественном числе стали употребляться понятия «цивилизация» и «культура», речь зашла «уже не только о культуре, но о культуре разных человеческих сообществ» [1]. Можно утверждать, что этнонациональная типология культур современного культурологического знания имеет свою предысторию, детерминирована реальным культурно-историческим процессом и новыми научными направлениями, сформировавшимися в XIX веке.

Мы разделяем точку зрения С.А. Екельчика при анализе украинского, белорусского и словацкого национализма: «в начале XIX века все три народа были “крестьянскими”, а господствующие классы отождествляли себя с господствующими нациями» [6, с. 31]. Но каким образом «крестьянская» культура смогла «вытеснить» господствующую?.. Здесь, на наш взгляд, важно учитывать внешние условия: научные исследования белорусской народной (этнической) культуры XIX века не только выявили глубинные культурные коды белорусов в традиционном мировосприятии (через историю, быт, язык, верования, фольклор и т.д.), но и зафиксировали их ценность в пространстве мировой культуры, создали благоприятные условия для возможности информации о белорусской культуре развернуться в пространстве и времени. Это значит, что белорусская идея и берет своё начало в культурных кодах народа, и сама выступает как его *идентификационный код*.

С вхождением в конце XVIII века белорусских и литовских земель в состав Российской империи была постепенно, но полностью качественно трансформирована информационно-коммуникативная система края под влиянием нетрадиционных для её культуры российских информационных потоков. На основе первичной (архивной) информации мы исследовали информационные потоки и течения, информационные барьеры и уровни – динамичные факторы формирования структуры информационного пространства культуры Северо-Западного края Российской империи [7, с. 95–176]. В проекции на географическую территорию основная часть Северо-Западного края XIX века – это современная территория Беларуси. В XIX веке формирование единого информационного пространства края происходило в условиях русско-польского политического противостояния, жёсткой цензуры (информационных барьеров) со стороны российских властей, что контрастно отразилось в функционировании двух основных информационных уровней: официального и неофициального.

На *официальном уровне* проводилась русификация, возрождалось православие, распространялась «теория официальной народности», среди информационных потоков преобладали западничество и идея славянского единства, трансформировавшиеся в крае в *западнорусизм*. Представители этого информационно-идеологического течения выступали за единство всех народов поликультурного, поликонфессионального, полилингвистического Западного края Российской империи и законопослушность; оставаясь на стороне официальной власти, они не поддерживали оппозиционные к ней общественно-политические структуры. Мировоззренческая установка представителей западнорусизма была информационной причиной и системообразующим фактором единства информационного пространства Северо-Западного края до Первой мировой войны.

На *неофициальном уровне* в крае преобладала польская культура и информационные потоки польского национально-освободительного движения вплоть до подавления восстания 1863–1864 годов.

Рассматривая информационное пространство Северо-Западного края как самоорганизующуюся в условиях хаоса систему, можно утверждать, что контрастное несоответствие официального и неофициального уровней проводило генерацию новой информации, активизацию диссипативных структур, а выходом на аттракторы стали *белорусская* и *литовская* идеи. Они кодировали традиционные системы ценностей основной части коренного населения, стихийно распространяясь как на официальном, так и на неофициальном уровне. Информационное пространство белорусской культуры в XIX веке расширялось с востока (белорусскими первоначально считались только Витебская и Могилевская губернии) на запад в проекции на современную территорию Беларуси, этому процессу способствовало развитие официальной губернской прессы в крае, освещающей абсолютно все сферы социокультурной жизнедеятельности. Белорусская идея (мы здесь не затрагиваем литовскую идею, но её можно рассматривать аналогично) хаотично укоренялась в сознании людей, формируя собственную белорусскую интеллигенцию, она свободно разворачивалась на основных информационно-коммуникативных уровнях края: *административно-деловом* (Белорусская губерния, 1796–1802 гг., и Белорусское генерал-губернаторство, 1772–1856 гг.); *религиозном* (Белорусская униатско-православная епархия, 1828–1839 гг.); *образовательном* (Белорусский учебный округ, 1829–1850 гг.); *научно-этнографическом* (белорусская этнография, формирующаяся с конца 1830-х годов, и другие научные направления белорусоведения); *периодической печати*. Долгое время белорусская тематика не ограничивалась информационными барьерами, поскольку не противоречила идеологии Российской империи вплоть до возникновения на неофициальном уровне оппозиционных российскому правительству структур – белорусского национального движения.

Мы акцентируем внимание на том, что для различных, казалось бы, информационных течений может быть характерна тенденция к внутреннему единству и преемственности, которая при устранении пространственно-временной разорванности проявляется в доминантной идее единства народа, имеющего общее историческое прошлое. Такими течениями в XIX веке в Российской империи были западничество и западнорусизм, славянофильство и идея славянского единства, «теория официальной народности» и народничество, а также другие. Как общественно-политическое течение *западничество* возникло в первой половине XIX века, после расширения западных рубежей империи. Информационные потоки западников беспрепятственно шли в столичные центры России через белорусские и литовские земли, поскольку соответствовали их культурным кодам, но воспринимались основной частью населения центральной России как чужеродные. В свою очередь, идеи славянофилов и почвенников не получили распространения и признания на белорусских землях, поскольку здесь три столетия господствовала католическая культура; её нельзя игнорировать из-за масштабной культуротворческой деятельности, в первую очередь проведенной в сфере образования и просвещения народа.

Идеологическое противостояние западников и славянофилов неизбежно вело к появлению на официальном уровне Российской империи «теории официальной народности», на неофициальном – народничества как общероссийского движения второй половины XIX века. Параллельно отметим, что «теория официальной народности» (1840-е гг.) *западника* С.С. Уварова (министр Народного просвещения и «президент цензуры» в 1833–1849 гг.), акцентирующая идею создания единой общности – русский народ, бы-

ла теоретически подкреплена работой славянофила Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869 г.), в которой философ обосновал наравне с эллинистической, латинской, европейской культурными типами основанный на православных духовных традициях *славянский* культурно-исторический тип как наиболее перспективный [8, с. 515–557]. Позже, в СССР была предпринята аналогичная попытка реализовать похожую идею – создать единую общность советский народ, здесь очевидна целеполагающая преемственность.

Как писал Н.А. Бердяев, славянофилы были у нас первыми народниками, но народниками на религиозной почве. «Славянофилы, как и западники, любили свободу и одинаково не видели её в окружающей действительности» [9, с. 48–49]. Если русская интеллигенция 1840-х годов была дворянской, то в период народничества 1860-х годов изменился тип интеллигенции – она стала разночинной, а в 1870-х годах судьба народников в империи была уже трагичной: их преследовала власть, не понимал народ (Н.А. Бердяев) [9, с. 108, 114]. В сравнении с русской интеллигенцией, новая формирующаяся белорусская интеллигенция XIX века изначально была разночинной, что не отрывало её от народа, а принципиально отличало от польской (католической) и русской (православной) интеллигенции одновременно. В данном случае соблюдался принцип *прямого процесса генерации информации* в социуме [7, с. 214–216], идеи белорусской интеллигенции оставались понятными и востребованными народом. Исторически подтверждённая возможность синтеза католических и православных духовных ценностей (униатство, 1569–1839 гг.) придавала уникальность белорусской идее и актуализировала её.

В пространстве культуры логика непоследовательных информационных потоков базируется на дискретных, нелинейных, хаотических, вероятностных информационных процессах, *исключающих неприемлемые варианты*. В едином многоуровневом информационном пространстве идёт постоянная генерация новой информации как выход из состояния хаоса, а идея одних информационных уровней (в нашем случае это административно-деловой; образовательный; научно-этнографический, способствовавший расширению белорусской этнической идентификации) переходит на иной (белорусская нация). Национальную идею О.Г. Слука определяет как глобальную идеологическую субстанцию, которая не имеет измерения по содержанию и времени, а на основе исторического опыта народа предоставляет возможность конструировать современную и будущую жизнь белорусского общества. На современном этапе он связывает её с национальным образованием в целях консолидации общественных сил для эффективного решения социально-экономических вопросов, достижения высокого духовного и материального благосостояния народа [10, с. 155–156].

Кодированная идея (белорусская – в нашем случае) преобразует информационный хаос в созидательное начало и конструктивный нелинейный многовариантный механизм эволюционирующего информационного пространства культуры (Северо-Западного края). Явление синтетического взаимодействия в одном пространстве культуры разных информационных потоков на основе информационной причинности (белорусской идеи) отражает механизм формирования собственного белорусского информационного пространства XIX – начала XX века. Он подобен *«информационному пульсару»*: всплески (импульсы) той или иной идеи, наблюдающиеся в историческом времени с определённой периодичностью и приобретающие свою оригинальность в разнообразных информационных потоках. В едином информационном пространстве наблюдаются периоды наибольшей яркости и угасания, рассеивания информационной ценности «пульсара», генерация на его кодовой основе новой информационной формы. Процесс «пульсации» конкретной идеи – это количественное отражение её «колебаний» в информационном пространстве, поддающееся анализу и статистическому исчислению благодаря зафиксированной информации.

Постоянно взаимодействующие в информационной системе социума многомерные личностные и общественно значимые информационные процессы на микро- и макроуровне культуры отражают процессы копирования, осмысления и приспособления к новым идеям основных потребителей информации, функционирующей по различным каналам коммуникации. Прежде чем стать необходимым «элементом» культуры, новационная идея как «информационный пульсар» обязательно проходит апробацию на различных уровнях; затем включается в «цикл культуры» (в трактовке А. Моля), формирует традицию. Рост генерации информации на многовекторном микроуровне (личностей) отражается и фиксируется на макроуровне социума в формировании новых структур (групп, сообществ, конфессий, товариществ, партий, институтов, газет, художественных школ и других субъектов культуры). Их внутреннее единство основано на общности интересов, на взаимопонимании как латентном едином информационном уровне, где отсутствуют «чуждые» (в трактовке Д.И. Дубровского) коды. В информационном пространстве культуры диссипативные структуры формируются стихийно (субкультуры), их появление носит случайный характер, но они могут сосуществовать в динамичной системе культуры только при благоприятных внешних условиях и наличии гомеостатичных информационных процессов, а развиваться – при условии информационного равновесия всех структурных формирований.

Заключение. В социуме как динамичной самоорганизующейся системе происходящие на многовекторном микроуровне информационные процессы связаны с индивидуальными особенностями лично-

сти и её культурными кодами, обладают ярко выраженным субъективизмом. Точно такая же информационная взаимосвязь наблюдается между культурами отдельных народов в едином информационном пространстве мировой культуры. Субъективное мнение (идея) может стать «информационным пульсаром», формирующим объективное мнение (информационные потоки, течения), что выражается в росте количественных статистических показателей, репрезентативно отражающих на макроуровне актуальные тенденции в обществе и культуре. Условный переход из субъективного в объективное «поле» идеи как информационного пульсара – это её *количественный переход с микроуровня на макроуровень* социума, что соответствует философской сущности диалектического закона перехода количества в качество.

Рассматривая белорусскую идею как «информационный пульсар», естественным путём транслирующую культурный идентификационный код, процесс создания хронотопа современной белорусской культуры – её историко-культурной памяти – становится неограниченным пространственно-временными барьерами, где важен каждый (как позитивный, так и негативный) факт белорусской историографии. Механизм формирования белорусского информационного пространства XIX – начала XX века был не линейным, не синхронизированным, а пульсирующим: периодически то акцентирующим актуальность и расширяющим географические масштабы распространения, то сужающим аксиологическую сущность самой белорусской идеи на различных информационных уровнях или в отдельно взятых регионах. Однако он позволил устранить пространственно-временную разорванность и сформировать архитектурное единство собственно белорусской культуры в поликонфессиональном, полилингвистическом, полиэтническом информационном пространстве культуры Северо-Западного края Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория культуры / С.Н. Иконникова [и др.]. – СПб.: Питер, 2008. – 592 с. / Новгородский гос. ун-т [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.novsu.ru/file/986905>. – Дата доступа 26.09.2013.
2. Сороко, С.М. Информационная причинность как парадигма информационной эпохи / С.М. Сороко // Придніпровські соціально-гуманітарні читання: матеріали науково-практичної конференції, Кривий Ріг, 24.11.2012: у 5 ч. / ред. О.С. Токоуєнко. – Д.: ТОВ «Інновація», 2012. – Ч. 1. – С. 115–118.
3. Информационный подход в междисциплинарной перспективе: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 84–112.
4. Алексеев, П.В. Философия: учебник / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 608 с.
5. Дзюрасэль, Ж.-Б. Еўропа з 1815 г. да нашых дзён: Палітычнае жыццё і міжнародныя адносіны: навук. выд. / Ж.-Б. Дзюрасэль. – Мінск: Беларус. фонд Сораса, 1996. – 384 с.
6. Екельчык, С. Нацыяналізм украінцаў, беларусаў і славакаў / С. Екельчык // Arche пачатак. – 2001. – № 2(16). – С. 30–41.
7. Сарока, С.М. Архітэктоніка інфармацыйнай прасторы беларускай культуры XIX – пач. XX ст. / С.М. Сарока. – Наваполацк: ПДУ, 2012. – 292 с.
8. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому / Н.Я. Данилевский. – М.: РОССПЭН, 2010. – 664 с.
9. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // Самопознание: сочинения / Н.А. Бердяев. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000. – С. 11–248.
10. Слука, А.Г. Нацыянальная ідэя: Сістэмны аналіз праблемы / А.Г. Слука. – Мінск: НІА; Мазыр: Выд. Дом «Белы Вецер», 2001. – 160 с.

Поступила 15.04.2014

BELARUSIAN IDEA AS “INFORMATION PULSAR” IN CULTURE SPACE

S. SOROKO

For the first time to project an “information pulsar” concept as a broadcast mechanism of important sociocultural ideas. It has to create introductions about information process continuity, but broadcast mechanism depends on chance adoption, score of supporters, environment, information ability to expand or to subside, to be coded and recoded in space and time. As an example, the author treats the process of forming of Belarusian information space in XIX and at the beginning XX century; gives proof that the Belarusian idea had three functional features: based on cultural folk codes, came out as a Belarusian identity code and created a chronotope of Belarusian culture.